

The background of the cover is a painting. In the upper half, a bird with long, thin wings is in flight against a sky with soft, blended colors of blue, white, and pink. Below the bird, on the right side, is a rocky cliff with some green vegetation. In the lower half, a large flock of birds, possibly terns, is gathered on a sandy or rocky shore near the water. The water is depicted with light blue and white brushstrokes, suggesting movement or waves.

18+

Марита Мовина-
Майорова

Голова Медузы Горгоны

Марита Мовина-Майорова
Голова Медузы Горгоны

«Издательские решения»

Мовина-Майорова М.

Голова Медузы Горгоны / М. Мовина-Майорова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505813-3

Искусствовед Катя едет к подруге на дачу. Казалось бы, безобидная поездка. Неужели?... Вскоре с героиней романа начинают происходить странные вещи: близкий друг — тайный враг? Поездка на дачу — смертельная ловушка? Как не попасть в капкан иллюзий и остаться в живых? Только сама Катя сможет найти ответы на эти вопросы. Роман «Голова Медузы Горгона» — вторая книга трилогии «Мост через Вечность». Первый роман — «Да здравствует Жизнь!» — был представлен на Международном Книжном Салоне (2021).

ISBN 978-5-00-505813-3

© Мовина-Майорова М.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть I. Вопросы	9
Глава первая	9
Глава вторая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Голова Медузы Горгоны

Марита Мовина-Майорова

Редактор Б. Майоров

Иллюстратор М. Мовина-Майорова

Фотограф М. Мовина-Майорова

Оформление обложки Рисунок для обложки выполнен автором романа – Маритой Мовиной-Майоровой

© Марита Мовина-Майорова, 2024

© М. Мовина-Майорова, иллюстрации, 2024

© М. Мовина-Майорова, фотографии, 2024

ISBN 978-5-0050-5813-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Сердечно благодарю моего сына,
Майорова Бориса, за его неоценимую
помощь в создании этого романа.*

Автор

Пролог

«Соблазни её для меня! Соблазни!»

Шёпот – страстный и властный, вместе с жаром дыхания опалил ему лицо. Ганая склонилась над ним, обнажённая, соблазнительная, чувственная... и одновременно звероподобная в своём стремлении получить свою добычу. Ханэй задрожал всем телом, распластанным в истоме после яростного совокупления, и снова, в который уже раз за эту ночь, ощутил эрекцию от прилива невыносимого желания обладать этой женщиной.

– Подожди! – почувствовав на своих бёдрах, прижатых к его телу зов плоти, задохнулась Ганая. – Подожди... – вновь простонала она, не в силах совладать с мгновенно возникшим желанием, и пробиваясь через мощные вибрации собственного тела. Как же возбуждал её этот юноша! Его чуть вытянутое, утончённое лицо с породистым, с горбинкой носом и чувственный, хорошо очерченный изгиб губ привлекали своей аристократичностью. Гармоничное тело с изящным торсом будущего атлета, ещё по-юношески длинные руки и ноги, нежная кожа, и совсем уже оформившийся фаллос среди густых зарослей шелковистых, отливавших золотом завитков. О! Обладание всеми этими сокровищами вкупе с его неутомимостью и определённой неопытностью начинающего любовника, – всё это вместе взятое приводило её в такой экстаз, что она абсолютно забывала и о своём возрасте, и обо всех остальных мужчинах, желавших её, и с которыми теперь, после соблазнения Ханэя, она ложилась в постель лишь в силу необходимости получать от них определённые услуги.

– Подожди... – пересиливая клокотавшую страсть, простонала она. – Соблазни её! Пусть она будет твоей. Я хочу наслаждаться зрелищем вашего совокупления... о-о-о-о..! после того, как ты овладеешь ею силой. Только силой! Это моё условие. И тогда я буду всегда только твоей! Хочешь этого, мой милый? – сменила Ганая сладострастный стон на еле слышный завораживающий шёпот, накрывая его своим телом. Она обвила его бёдра ногами, открывая вход дивному фаллосу в свой влажно дышащий грот, и одновременно нежно проводя языком по его полураскрытым губам.

Вместо ответа Ханэй яростно вошёл в неё...

Персей.

Часть I. Вопросы

Глава первая

Что в имени твоём?..

«...клубок из обнажённых тел то сворачивался, то разворачивался. Как змеи на голове медузы Горгоны вокруг плотного клубка белёсо мерцающих в полумраке тел, в дрожащее от сладострастных стонов и хрипов пространство взвиваются судорожно дёргающиеся ноги, в странном изломе взлетают руки, двигаются части тел, и клубок этот – голова «медузы» с шевелящимися «змеями» рук и ног – засасывает в себя Николая, словно чёрная космическая дыра... Он почти уже там... когда в одно мгновение клубок тел распадается, и в центре его, в его манящей глубине, вокруг чего и происходило это завораживающее движение, Николай видит Ленку. Она лежит там, распростёртая, словно бы бестелесная, с широко раскинутыми ногами и руками, с рассыпавшимися вокруг головы своими густыми волосами цвета спелой пшеницы и такой же пшеничной, в тугих завитках, крутой возвышенностью между налитых широких бёдер... Она почти не дышит... Её маленькая грудь с «вишнями» сосков еле вздымается... И вдруг протяжный животный стон вырывается из самой глубины её существа! она открывает глаза и горящим взглядом глядит на Николая... он вздрагивает от неожиданности, и сердце бухает прямо в низ живота!.. а Ленка, сверкая глазами и, растянув – почему-то совсем белые губы – в странной улыбке, обнажает чёрный провал беззубого рта, и начинает тощим пальцем манить его к себе... Николаю жутко смотреть на неё, он не хочет! ...но какая-то сила тащит его к ней, и он – хочет!.. хочет её! ХО-О-О-ЧЕТ!

Снова вся простыня мокрая. Сердце колотится в горле. Дрожь сотрясает его тело. Очень хочется пить...»

«Боже, какой кошмар! – подумала она, с трудом обретая нормальное дыхание, и провела рукой по вспотевшему лбу. – Это же надо было так написать! Чтобы тебя пот прошиб!» – и Катя захлопнула книгу.

Однако она ощущала, что её не только пот прошиб, но и сердце почему-то защемило, и под ложечкой противенько заныло и задрожало. Как от предчувствия – то ли предстоящего ужаса, то ли воспоминания о нём, – тёмненькое и жиденькое это «что-то нечто» дрожало у неё внутри.

«Наверное, я очень впечатлительная. Что такого здесь написано? Ну сон парню приснился. Ну – эротический. Подумаешь. Мне-то что?..»

Но Катя уже знала, что мимо этого ей не удастся просто так пройти.

«Что-то всё-таки зацепило меня. Что?»

Она вновь открыла книгу, нашла нужную страницу и, словно бросившись в холодную воду захватив по пути дыхание, перечитала отрывок.

Опять неприятно заныло под ложечкой, опять выступила испарина, и снова что-то тёмненькое и жиденькое задрожало внутри.

«Нет, с этим нужно разобраться! Что меня цепляет?!»

Катя прочитала: «...клубок из обнажённых тел то сворачивался, то разворачивался. Как змеи на голове Медузы Горгоны...»

«На голове Медузы Горгоны... Вот! Медуза Горгона! Вот оно!»

Она ещё несколько раз повторила про себя: «Медуза Горгона, Медуза Горгона...» – а потом, осмелев, произнесла это вслух. Ощущение ужаса прошло. Но тут же, до дрожи в животе, взамен появилось чувство острой необходимости узнать всё об этой мистической

Медузе. Того, что вскользь прочитала о ней когда-то, оказалось ничтожно мало: Катя хотела знать всё о той, от одного имени которой, сейчас сердце у неё проваливалось в тёмную глубину, и всё начинало мелко дрожать внутри.

И она пошла в интернет.

Катя усиленно бороздила интернет.

То, что она находила, обескураживало её.

Во-первых, она узнала, что Медуза Горгона была не просто сама по себе, а была она третьей, младшей сестрой в семье и, соответственно, младшей дочерью двух морских божеств – морского бога бурного моря и его сестры – драконоподобного морского чудовища Кето. Ко всему прочему, была она ещё и внучкой Геи – богини Земли.

Во-вторых, оказалось, что Медуза Горгона не всегда была страшилищем, ужасавшим всех своим видом и поступками – с горящими глазами и шипящими змеями вместо волос, – не всегда она летала по небу и раздирала на части всех подряд. Родилась она прекрасной морской девой, настолько прекрасной, что не устоял перед её красотой сам владыка морей Посейдон.

В-третьих, выяснилось, что из-за этой самой красоты прекрасная морская дева и пострадала. Когда Катя об этом прочитала, ей вспомнилась где-то слышанная ею странная фраза: «не надо быть красивой такой». В отношении Медузы, как следовало из легенды, это была не странная фраза, а абсолютная правда.

В-четвёртых, прекрасную Медузу подставила богиня войны – сама Афина, дева-воительница, страшно позавидовавшая её красоте. Беспечность Медузы и её счастливый смех вызвали гнев в душе Афины. По одной из версий это она заманила Медузу в свой храм под очень благовидным предлогом, а там, пользуясь доверчивостью и чистотой Медузы, приковала её цепями намертво, а затем зазвала в этот храм своего престарелого дядюшку – развратника Посейдона. Тот давно добивался Медузы и пускал слюни по целомудренной и гордой девушке, но получал отворот-поворот. Афина позволила ему силой взять (проще говоря – изнасиловать) гордячку, наблюдая при этом за развратным актом насилия.

В-пятых, сотворив такое невиданное зло, эта дева-воительница сделала вид, что Медуза сама во всём виновата, якобы подставлялась дядюшке и совратила его престарелого своими телесами и заигрыванием. А посему напустила она на Медузу проклятие, превратив в страшное чудовище невиданное с волосами-змеями, с клыками вампирными, с когтями хищными на медных руках, с чешуёй стальной непробиваемой на рыбьем теле и с крыльями огромными вместо прелестных гибких девичьих рук. Но самое страшное в этом проклятье было то, что ни один смертный не мог больше посмотреть на Медузу без того, чтобы не превратиться в камень. Так, выходит, дева-воительница отомстила прекрасной морской деве за то, что все мужчины и юноши, посмотрев на последнюю, сходили с ума от любви к ней.

В-шестых, наказав таким образом безвинно оклеветанную, Афина не остановилась. Она подвергла такой же участи сестёр Медузы. За что, спрашивается? «Наверно, до кучи – нет предела женской зависти и коварству», – решила Катя.

И наконец, в-седьмых, только Медузу из трёх сестёр оставила коварная дева-воительница смертной. Учёные и исследователи до сих пор ломают копыя, мучаясь вопросом: почему?

«Что же здесь непонятного? – удивилась Катя. – Понятно же, почему: чтобы бедную Медузу можно было бы потом и убить. Чего дева-воительница и добилась, отправив для этого дела наивного Персея. Всё эта мудрая мерзкая Афина продумала с самого начала!»

И вот эти несчастные сестры, обретя при помощи Афины такой устрашающий вид, и не смея больше показаться на людях, отправились на далёкий остров. Как считают исследователи – на Сицилию.

«Какой же это далёкий остров? Почти в центре Европы Италия. И Сицилия тут же, – удивилась Катя... – Вот как интересно в истории со странами бывает – как и с городами. Взять

наше Купчино: сто лет назад было далёкой деревней на окраине Питера, а теперь – пожалуй-ста – спальный район города, причём не самый отдалённый».

Катя откинулась на спинку дивана и потянулась. Была глубокая ночь. Она встала и подошла к окну. Отодвинула занавеску и всмотрелась в темноту напротив. Среди густой ажурной листвы берёз высвечивались редкие огоньки в окнах дома напротив. Во дворе было тихо. А где-то отдалённо и чуть слышно гудел неутомимый большой город.

«Вот почему так в жизни бывает? – злой и коварный побеждает, и ещё его все уважают, а добрый и чистый – или становится жертвой коварства – оклеветан и проклят людьми – или погибает за добро. Тот же Данко, вырвавший своё сердце, чтобы осветить заблудшим путь к свету. Кому нужна была его смерть? И неужели надо обязательно погибнуть, чтобы добро спасти от зла?»

Катя вздохнула. Ей стало грустно.

«Совсем не хочется спать. Так бы стоять и стоять у окна и слушать тишину... и видеть, как берёзы перебирают своими ветвями воздушные нити... и слышать их нежный разговор с ветром... наблюдать, как мелькают меж их ветвей огоньки в окнах...»

Она стояла у окна, переживая момент погружения в тот мир, за окном. Там ей было очень спокойно. В том мире она растворялась и становилась частью его. Ей нравилось не спать, когда спят все – тогда ей никто не мешал. Быть.

Но мысли её вновь вернулись к прочитанному в интернете.

«Бедная Медуза. Как всё-таки несправедлив Мир... За что, почему, для чего уродуют красоту, убивают и гонят? И почему всегда побеждает зло, кровожадность и алчность? Эту мерзавку Афины превозносят до сих пор. Как же! Дева-воительница, покровительница знаний и искусств, сама мудрость! Никто уже не помнит, что Медуза была прекрасна и непорочна, и что чудовищем её сделала МУДРАЯ Афина. Афины почитают, а Медузу ненавидят!.. И как глупо верить сказкам, в которых всегда побеждает добро!»

Кате больше не было жутко при мысли о Медузе Горгоне. Не было уже и того странного дрожания внутри, и того, похожего на тёмный туннель, внутреннего пространства, в который так страшно было смотреть, но в который так смотреть хотелось, когда всего несколько часов назад она прочитала – «Медуза Горгона». Осталось только сожаление о поруганной красоте и чистоте Медузы. Катя сопереживала морской деве-красавице так, будто та была не мистической, сотворённый практически из вымысла, и жившей за много тысячелетий до Кати, а была она её современницей, даже почти близкой подругой. И уже не чудище Гаргона, вселявшая в Катю ужас, а чистая и целомудренная девушка была сейчас очень близка ей.

В этом сейчас читалась для Кати их внутренняя параллель и схожесть.

«Надо всё-таки спать ложиться. Отпуск отпуском, а лучше поспать, чтобы утром встать нормально... Авось погода завтра будет хорошая – можно в Озерки съездить. А то лето проходит, но словно его и не было: то дождь, то хмурость в облаках, то ветер с льдинкой. Это в середине-то июля! Загара – кот наплакал!»

Катя с сожалением оглядела руки, ноги – едва видная смуглость, больше даже природная, чем солнечная.

«Ладно, спать так спать!»

Однако не спалось.

Сначала за окном, среди полной тишины, вдруг раздался мужской нетрезвый ор. Длился он недолго, но настроение испортил. Потом ни с того ни с сего, в середине-то июля! – заорал котяра. Было слышно, как он идёт вдоль дома и орёт, останавливаясь у каждого подъезда. На него у Кати раздражения не возникло: природа берёт своё. И только умолк котяра, видимо, встретив подругу, или впущенный в дом хозяином, как загромыхал, хотя и отдалённо, но очень внушительно, грузовой состав. Громыхал долго. Затем наступила полная тишина. И наверное, в этот момент Катя и забылась сном.

...Под окнами орала дворничиха. Она именно орала, повествуя знакомой, какой неблагодарной тварью оказалась её тунейдка-невестка. Возмущённый крик дворничихи перемежался яростным чирканьем заскорузлого веника по асфальту. Солнце сквозь редкую тюль (Катя ночью так и не задвинула шторы) нещадно било по глазам.

«О, Господи... Сколько же времени?... И чего она так орёт?... – не имея сил даже на недовольство, вяло промямила про себя Катя. Ей показалось, что она вот только вот прислонила голову к подушке. – Рано ещё... солнце совсем слева... значит, часов семь... и дворничиха позже не начинает скрести... и чего скрести – лето ведь...»

Она накрылась с головой, спасаясь и от солнца, и от скребков дворничихи. Но от её крика спастись не удалось. Катя окончательно проснулась.

«Да и шут с ним! Раз солнце – значит поеду в Озерки. Ночь пропала, так хотя бы пусть день не пропадёт», – с этими позитивными мыслями она отбросила лёгкое летнее одеяло, и как была голышом (она всегда спала без ночнушки), посеменила в ванную.

Своё отражение в зеркале заставило её улыбнуться мрачно: круги и какие-то старческие мешки под глазами, глаза смотрят как-то затравленно, всклокоченное «каре на ножке» – такая модная почему-то нынче стрижка, пришедшая на смену длинным, словно нечёсаным волосам последних лет у молодёжи. Нет, она-то свои длиннющие, ниже попы волосы, лелеяла, холила, укладывала. Но, как и всё, что приходило в её жизнь, или что она сама себе в свою жизнь приносила, длинные волосы ей в какой-то момент просто опостытели. И не по причине ухода за ними. Нет. Она поняла в одно утро, что эти волосы слишком много накопили в себе информации за последние восемь лет, так много, что начали ощущаться на голове тяжёлым шлемом. Ей захотелось снять этот шлем, причём под корешок. Но когда она явилась в парикмахерскую и оповестила об этом своём желании парикмахершу, та просто отказалась её стричь. С большим трудом Катя уговорила её на каре – сначала до плеч. Ну, а потом и вовсе – «на ножке». Ближайшая подруга Кати – Агния, увидев её в новом изображении, ахнула неподдельно и, несколько прейдя в себя, спросила:

– А где коса?

– Какая коса? – так же неподдельно удивилась Катя.

– Ну, та, твоя. – И тут же, сделав большие глаза, с придыханием выдавила: – Ты что, просто так взяла и все свои волосы в парикмахерской оставила?!

Катя подумала, что и её мама, отрезав свои толстенные длиннющие косы, не позаботилась ни как-то продать их прямо в парикмахерской, ни просто даже взять себе. А для чего? На память, что ли? Достаточно того, что в самих этих волосах было этой памяти немерено.

И плохой, и хорошей. Так мама тогда отцу ответила, на точно такой же вопрос, какой задала Кате Агния. Катя сама это слышала. Может, интуитивно и сама так же поступила спустя десятилетия.

Итак, из зеркала на неё смотрела всклокоченная затравленная девица.

«С добрым утром! С добрым утром тебе, красавица! – сразу же пришла в себя Катя. – Ну, ты, девушка, даёшь!»

Она ещё больше взбила чёлку, округлила глазницы и вытянула губы трубочкой, имитируя звук «у-у-у-у», потом «ы-ы-ы».

«Ну вот, теперь порядок – фэйс-ап произведён почти по технологии, – дурашливо показала она себе язык. – О, а это движение языком – тоже фэйс-ап!» – она хихикнула, затем так же дурашливо-важно пробежалась кончиками пальцев под глазами, похлопала ресницами («вы имитируете лёгкие крылья бабочки», – говорилось в пособии), и весело рассмеялась.

– Всё, достаточно, – почти как известная телеведущая в своей, тоже известной, кулинарной программе и с теми же интонациями, уморительно серьёзно глядя на себя в зеркало, проговорила Катя. Умывайка-поедайка – и вперёд, к водоёму, пока солнце не передумало!

С этими словами Катя выскочила из ванной, забежала в туалет, снова в ванную – руки помыть, как учили с детства, – и влетела на кухню. В этот момент раздался звонок мобильного – «трата-та, траля-ля, у нас в саде тополя».

Пришлось вернуться в комнату. Звонила Агния. Приглашала за город. На целую неделю. С друзьями.

Очень трудно было справиться с соблазном и не подслушать, о чём ворковали эти двое.

Нэя, нежное дитя Природы, в лёгких, бледно-розовых, полупрозрачных одеждах, небрежно наброшенных на тонкую шёлковую голубую короткую тунику, с вплетёнными в роскошные светло-каштановые волосы бледно-голубыми ирисами, полулежала на коленях Ханэя и забавлялась тем, что водила молодой оливковой веточкой по его обнажённой груди. Ханэй, в таких же лёгких, но до колен, тёмно-синих одеждах и с венком из синих ирисов на голове, откинув голову и прикрыв глаза, блаженно улыбался.

Грот, в котором наслаждались прохладой эти два юных создания, не отличался особыми архитектурными изысками. Здесь, в саду, было немало гротов и попомпезнее. Но влюблённые выбрали именно этот, достаточно удалённый от главных аллей парка, вход в который украшали лишь две невысокие колонны из ракушечника. У его подножия образовалось небольшое озерцо с прозрачной, чуть зеленоватой водой, пополнявшееся из небольшого родничка, журчавшего в самом гроте. В его глубине, в стене, была выдолблена каменная широкая скамья. На ней и сидел Ханэй, блаженно улыбаясь, а на его коленях полулежала красавица – юная Нэя.

– Как ты думаешь, позволит мне отец встречаться с тобой чаще? Мне всё труднее убегать от его стражей для встреч с тобой.

Нэя села и обняла Ханэя рукой с тонким запястьем, украшал которое нитевидный браслет из полудрагоценных камней. При этом она приблизила к юноше своё лицо так близко, что почти касалась его своими лёгкими волосами. Ханэй уловил еле ощутимый свежий аромат её кожи и её лёгкое дыхание на своих губах.

– Не дразни меня, Нэя, – чуть отстраняясь и едва сдерживая дыхание произнёс он, – ты ведь знаешь, как тяжело мне даются наши постоянные разлуки и как сложно мне удер- жаться в рамках дозволенного наедине с тобой.

Взгляд юноши затуманился.

– Позволит ли тебе отец встречаться чаще со мной?.. – его грудь едва заметно приподнялась от вздоха. – Не знаю, почему он не благоволит больше ко мне. Наши отцы давние друзья, не в одном сражении против страшилища, женоподобного Удриллы стояли спиной к спине, спасая друг друга. Я рос на глазах твоего отца... так же, как и ты – на глазах моего... Сколько раз они оба держали нас на коленях... что же теперь? ... А что твой отец говорит?

Нэя вспорхнула с колен Ханэя и присела рядом. Теперь пришла очередь задуматься ей. Она чуть опустила голову. Один из вплетённых в волосы голубых ирисов упал на каменный пол грота, но влюблённые даже не заметили этого.

– Отец говорит, что наши детские увлечения друг другом теперь ровным счётом ничего не значат, – очень тихо произнесла она. И ещё тише продолжила: – У него на примете другой кандидат мне в мужья... Отец не говорит, кто это... однако по некоторым замечаниям – это знатный человек... и... далеко не юноша. Меня охватывает ужас от нехороших предчувствий, милый Ханэй, – её передёрнуло. – Но и воле отца я не смею противиться, – покорно завершила она.

– Но, Нэя! – вскричал юноша, привлекая девушку к своей груди и заглядывая в её чуть продолговатые глаза цвета спелых оливок, прикрытые сейчас длинными тёмными ресницами. – Но, Нэя! Любовь моя! И ты ещё спрашиваешь у меня, позволит ли отец тебе чаще встречаться со мной! Если дело обстоит именно так, как ты сейчас рассказала, то скоро он вообще не позволит нам встречаться! Но как же так! Он обещал нам свадьбу! Мы не сможем друг без друга! – юноша гордо вскинул голову, и глаза его блеснули решимостью, – я сам пойду и поговорю с ним, пусть держит слово!

– Тише, прошу тебя, тише! – взмахнула ресницами девушка и приложила ладошку к его ещё по-юношески пухлым губам. – Вдруг кто услышит? И у грота могут быть уши.

Ханэй сильнее прижал её ладошку к губам и поцеловал, мгновенно успокаиваясь.

Они помолчали, потом Нэя продолжила:

– Боюсь, мой Ханэй, твой приход к отцу не поможет, а только всё усложнит, – её глаза влажно заблестели. – Давай отдадим Богам право решать за нас. За непослушание родителей, ты знаешь, их месть страшна.

Девушка положила головку на плечо любимого и посмотрела вдаль.

– Солнце садится, милый Ханэй. Я слишком задержалась сегодня.

Словно яркая бабочка, она снова вспорхнула со скамы, прошелестев прозрачными одежками.

– А теперь мне надо идти, милый. Как бы отец ни догадался о наших тайных встречах. Доверимся Богам. Прощай пока, мой Ханэй. Жди весточки от меня о новой встрече.

Чуть склонившись, мимолётно коснулась губами его щеки и лёгкими, почти невесомыми шажками пробежав мимо озёрца возле входа в грот, скрылась за колонной. Юноша успел лишь в молчаливом призыве «не уходи», протянуть вслед ей руки, и тут же снова в отчаянии опустил их на колени.

...Сколько времени просидел он так, горестно раздумывая о том, что поведала ему его Нэя, и не зная, на что решиться, как вдруг послышался шелест шагов за колонной, противоположной той, за которой скрылась его юная подруга.

«Нэя! – радостно дрогнуло сердце юноши. – Она вернулась! Возможно, с радостной вестью», – восторженно вскрикнул он и в нетерпении стремительно встал со скамы.

Глава вторая

Что там, за поворотом?..

За окном пригородной электрички то и дело проплывали раскинувшиеся на огромные пространства озёра. Они появлялись то с одной стороны от железнодорожного полотна, то с другой, а временами – и с обеих сторон одновременно. Такой красоты и такого простора Катя никогда ещё в своей жизни не видела. Даже дорога в Финляндию, тоже достаточно живописная и перемежавшаяся большим количеством озёр, не была до такой степени озёрной.

«Край тысячи озёр – это правильное определение, – думала Катя, в очередной раз наблюдая из окна электрички раскинувшиеся водные просторы. – И какой покой и тишина здесь царит! Даже отсюда, из электрички это чувствуешь».

Некоторые озёра подступали вплотную к рельсам, имея лишь небольшой уклон в виде песчаной насыпи. И здесь уже стояли легковые машины, по каким-то неведомым лесным тропам пробравшиеся на берег. И тут же, у берега, а где-то и подальше, плескались приехавшие – и дети, и женщины, и мужчины. Кате тоже захотелось прямо здесь, у этого озера выйти из электрички и, бегом спустившись по насыпи на берег, скинуть с себя платьишко и ринуться в эту тихую прохладу, такую удалённую от шума, пыли и суеты города. ...А электричка всё стучала по рельсам, пробегая уже и это озеро, и подбегая к следующему... Катя ехала на дачу к друзьям Агнии.

Она ехала одна – не захотела тискаться со всеми остальными в машине (вернее, в двух машинах – друзей, желающих отдохнуть на даче, оказалось много). Кроме того, в машине её нередко укачивало. Но по большому счёту ей просто нравилось ездить поездом, или, как в данном случае, электричкой. Пока вагоны выстукивали по рельсам свою незамысловатую и привычную с раннего Катиного детства песню (из Сиверской мама почти каждую неделю, с самого рождения Кати, ездила с ней к родным в Ленинград на электричке), можно было и подремать, прислонив голову к оконной раме, и перекусить, и насмотреться вдоволь на такую же незамысловатую, как и песнь электрички, природу Ленинградской области. Правда, сейчас, на пути к Карельскому перешейку, природа за окном была и ни незамысловатая, и ни необыкновенная...

А электричка всё выстукивала километр за километром.

Катя прислонилась плечом к оконной раме...

...Она летела над огромными – бескрайними водными просторами. Она летела сама по себе, в воздушном пространстве. У неё за спиной не было крыльев, а на ногах – сапог-сорокоходов или летающих сандалий с крылышками. И летела она практически в вертикальном положении, лишь слегка наклонив туловище вперёд. Руки она держала перед собой, чуть разведя в стороны, и только для того, чтобы острее чувствовать восходящие потоки воздуха, ласкавшие их.

Водные просторы не имели горизонтов. Однако сначала она думала, что летит над каким-то каналом, потом, по мере того как полёт продолжался, ей показалось, что летит она над огромным озером, или даже заливом. И в какой-то момент ей в голову пришла мысль, что это – Ла-Манш. Но нет. ...А полёт продолжался. Водная гладь далеко внизу и небо, в проекции которого она летела, за всё время её полёта оставались одного цвета – практически бесцветными, лишь слегка голубовато-серыми, – и на горизонте, которого она в своём полёте никак не могла достичь, сливались воедино так, что невозможно было угадать, где же наконец появится хоть какой-то признак суши.

Всё это было бесконечным: и полёт, и небо, и воды, – но никоим образом не страшило её. Но внезапно она осознала, что больше не летит: она как будто зависла... и посмотрев

не на горизонт, а вниз, увидела, что теперь уже бесконечные водные просторы летят под ней, всё ускоряясь. И тут в голове стремительно пронеслась мысль: «Это океан!»

Полёт прекратился.

«Да, это океан. Но как же я смогу перелететь его, если не лечу уже?»

Это открытие тоже не испугало её, видимо потому, что несмотря на собственное зависание над океаном, она не падала.

«Ладно, пусть он несётся подо мной», – спокойно решила она и в этот момент обнаружила себя стоящей в тени чугунной перголы, настолько увитой диким виноградом, что сквозь него не пробивался ни один лучик заходящего солнца. Было достаточно жарко, несмотря на тень от листвы, и явно клонившийся к концу летний день. Чугунные прутья перголы были выполнены в виде больших лир, соединявшихся сверху своими завитками, и это придавало всей конструкции дополнительную ажурность и лёгкую прозрачность. Внутри неё прямоугольными каменными плитами была вымощена дорожка, уходившая далеко вперёд и заканчивавшаяся мягким поворотом.

Катя стояла под этим невысоким зелёным сводом, среди игры света и тени, окружённая несущим ещё в себе жар знойного дня пряным воздухом, и зачарованно вглядывалась вперёд. Ни испуга, ни удивления она не испытывала, но далёкий поворот почему-то манил её, приглашая, как живой. Он как будто внушал ей: «Пройди дальше, и ты увидишь то... что за поворотом». Она не устояла перед его приглашением, осторожно двинулась вперёд, и в этот момент обнаружила на ногах открытые сандалии, а вместо своего простенького летнего платья — развевающиеся при движении лёгкие полупрозрачные одежды бледного зеленоватого цвета.

Вот *это* несколько озадачило её... а вскинув руку, она удивилась ещё больше – кожа на руке была смуглой с золотистым отливом.

«Какой красивый загар. Когда это я успела?» – удивилась Катя, но ещё не ответив себе, сделала очередной шаг и прошла поворот. И тут же, чуть поодаль, глазам предстал каменный грот с двумя невысокими колоннами из ракушечника. Вокруг грота расстился дивный сад, наполненный плодовыми деревьями, аккуратно подстриженными кустарниками и небольшими прудами, обрамлением которых служили мраморные скульптуры гармонично развитых тел, выполненные умелыми скульпторами с анатомической точностью. Рядом с прудами располагались каменные горки, покрытые сочными яркими растениями, которых Катя никогда не видела. Она вдруг почувствовала себя героиней сказки, которую судьба забросила в прекрасное эльфийское селение.

Самые разные чувства смешались и поочередно начали сменять друг друга: блаженство, сумасшедший восторг и огромное желание оставаться в этом волшебном месте как можно дольше. Однако несмотря на восторг и смешение собственных чувств от необыкновенного сада, внимание её тут же вернулось к гроту. И не столько грот привлек её внимание, как то, что происходило внутри него.

В глубине грота на каменной скамье, вырубленной прямо в его стене, сидели двое: золотоволосый стройный юноша в синих одеждах с венком из синих же ирисов на голове и внешне совсем юная, очень изящная девушка в бледно-розовых одеждах с вплетёнными в пышные светло-каштановые волосы бледно-голубыми ирисами. Они о чём-то тихо разговаривали, но даже издали Катя смогла понять, что разговор их был не из самых весёлых. Произнеся что-то, девушка наклонила голову, и один из ирисов в её волосах упал на каменный пол грота. Ни юноша, ни сама юная красавица этого не заметили. Но влюблённые, а они были влюблёнными, Катя сразу это поняла, были не одни в сказочном саду в этот час: за колонной Катя заметила ещё одно действующее лицо. Это была статная белокожая женщина с высокой грудью и гибкой талией, в пурпурных одеждах, стянутых на талии золотистым кручёным шнурком и с золотой диадемой, сверкнувшей в лучах заходящего солнца в её необычного цвета золотистых, с платиновым отливом, струившихся ниже пояса прямых волосах. Женщина притаилась за колонной и, было очевидно, прислушивалась к голосам влюблённых, доносившихся из грота.

Сердце Кати забилось учащённо: она догадалась, что эта великолепная женщина – не друг влюблённым. Катя стояла, едва справляясь с желанием выйти из своего укрытия и открыть влюблённым правду... но не смела. Почему? Может, вечерний аромат сказочных цветов в сказочном саду закружил ей голову?... Она прикрыла глаза, наслаждаясь благоуханием... а когда открыла их, увидела всё так же бегущие за окном электрички красоты Карельского перешейка.

Она тряхнула головой.

«И что это было? И как это называется?»

Она не могла ответить себе, ни что это было, ни как это называется, – то, что она то ли видела, то ли прожила во сне. Для пушей убедительности, что это был всё-таки сон, подняла руки и убедилась в этом, не обнаружив на них признаков какого-либо мало-мальски золотистого загара.

«Очень жаль... а какие одежды у меня там были красивые... но кто же предупредит тех двоих влюблённых об опасности? – Катя снова тряхнула головой, – хватит бредить! Мало ли что могло присниться в дороге? ... Но ведь действительно – как будто наяву всё было».

Она оглянулась по сторонам и увидела, что народу в электричке поубавилось. В этот момент послышался голос из динамиков: «Кузнечное», – и оставшиеся пассажиры, растекаясь на два противоположных потока, двинулись к выходам из вагона. Подхватив рюкзак, поспешила к выходу и Катя.

«Проснись, красавица, и пой, как говорится. А тех влюблённых, видимо, ничто и никто уже не спасёт».

На платформе её ждала Агния со своим парнем Антоном. Катя знала, что встречаться с ним подруга начала совсем недавно, но уже сейчас у Агнии были дальние виды на него – Антон был из зажиточной семьи. Как раз на его даче им всем и предстояло провести эту летнюю неделю.

– Катя – Антон, – представила их друг другу Агния. Катя улыбнулась. Антон кивнул ей головой и тоже улыбнулся.

Что сразу бросилось в глаза Кате, так это удивительно мягкий взгляд Антона. Он будто говорил тебе о той заботе, которую несёт в себе его хозяин как представитель рода мужского, но не насильственной и тягостной – о заботе нежной и неусыпной...

Парень был довольно высокого роста и коренаст, но не громоздок. Красивая породистая голова с высоким лбом, но, увы, уже чуть с большими залысинами, чем полагается юношам. По правде говоря, юношей он уже и не был.

Со слов Агнии Катя знала, что Антон закончил Медицинский институт и работает в одной из частных клиник Питера. Про себя она по достоинству оценила выбор своей лучшей подруги.

«Да, этот не подведёт. Надёжен как скала. Молодец Агния», – а вслух вдруг брякнула невпопад: – Какой вы, Антон, внушительный, – и тут же прикусила язык, – извините! – и смущённо глянула на Агнию.

– Да что вы! Ещё и извиняться надумали! Можно, на самом деле, сразу на «ты». Ты как? Катя снова смущённо посмотрела на подругу. Та почему-то уже не улыбалась.

– Ну... ладно... можно и на «ты». Агнэшка, как вы доехали? – стремительно обернулась к подруге, намеренно демонстрируя, что на этом разговор с Антоном закончен. Но Агния не откликнулась на её дружеский тон. Она молча развернулась и пошла к выходу с платформы. Кате ничего не осталось, как тоже молча поплестись за ней вслед. Антон сделал вид, а может, и на самом деле – ничего не заметил. Он на ходу, просто и без слов, взял из рук Кати её рюкзак и пошёл рядом.

«Какая-то странная встреча получилась. Ну, глупость сморозила я. При первой же встрече оценку человеку дала. Но Агния-то меня знает: что думаю, то и говорю. А она, видимо, обиделась».

С этими невесёлыми мыслями Катя семенила рядом с подругой, даже не пытаясь заговорить – будет ещё время объясниться. Антон вышагивал чуть позади.

«С тыла прикрывает, – нашла в себе силы хихикнуть про себя Катя. – Настоящий полковник!»

Идти пришлось совсем недалеко: сначала немного по асфальту, потом ещё чуть-чуть по грунтовой дороге, несколько поворотов – и вот она дача!

Катя собиралась увидеть неказистую, покосившуюся от времени деревянную развалюху, какой обычно бывает дача, устроенная в обычном деревенском доме послевоенной постройки, купленном под дачу почти за бесценок. Но на высоком пригорке стоял красивый современный двухэтажный домик, очень элегантный и чистенький. Никаких заборов от соседей, никаких собак и охранных табличек о том, что «за вами ведётся видеонаблюдение – улыбнитесь!» К нему шла простая песчаная, но ухоженная, узенькая дорожка, по обе стороны которой зеленели ровно подстриженные декоративные кустики. За кустиками, слева и справа, виднелась ровная зелёная лужайка. В сам домик вели ступеньки, образуя живописное крылечко, с выполненными из тонких стволов какого-то кустарника витиеватыми перилами. На крылечке расставлены кадки с яркими цветами, и среди них изогнутыми спинками белеют небольшие пле-

тёные стульчики. Вокруг стоит удивительная тишина... Катя остановилась и заслушалась. Она любила слушать тишину.

– Вот мы и пришли, – привёл её в настоящее хриловатый голос Антона.

Катя оглянулась и вновь увидела его внимательные глаза. Она только молча кивнула ему в ответ. Повисло неловкое молчание. Она перевела взгляд на Агнию, но та смотрела на неё неподвижным взглядом и даже, кажется, мимо неё.

– Ну, вы тут обустраивайтесь, девочки, а мне надо гостей встретить – позвонили: сейчас подъедут.

Антон протянул Кате её рюкзак, улыбнулся и направился вниз по дорожке. Она машинально взяла его и с тревогой посмотрела на подругу.

– Агнэшка, что с тобой? Ты сердишься? Ну, извини, извини меня, ляпнула, не подумав.

Она подошла к подруге и хотела, как всегда после небольших размолвок, обнять её. Однако Агния, всё так же молча и как будто даже безразлично, отстранилась, но потом, видимо, решив что-то для себя, спокойно произнесла:

– Забудь, Катерина. Ляпнула и ляпнула. А он ведь и вправду внушительный. И надёжный. Тем и взял. Вот приедут его родители из Марокко, вопрос свадьбы встанет. Мы с ним решили здесь свадьбу играть. Сама видишь, дом большой, просторный. Всем места хватит. А после свадьбы Антон предлагает на Камчатку рвануть. Все, говорит, в Италию и Грецию едут, а мы с тобой – на Камчатку. Он был там у друга. Рассказывает, что таких мест красивых нигде больше нет. Как думаешь, соглашаться мне?

У Кати отлегло от сердца: ссориться она не любила, выяснять отношения – тоже. Раз Агния оттаяла, значит и ей переживать больше нечего. И она, обняв подругу, ответила:

– Конечно, Агнэшечка! Муж – это иголка, а жена как нитка за ним должна следовать. Как скажет, так и надо делать. Тогда лад в семье будет.

– Господи, и откуда ты всю эту философию жизненную берёшь! – нравоучительно, словно выговаривая подруге за произнесённую ею нелепость, произнесла Агния. – Сама-то что её в своей жизни не применяешь? Встречалась-встречалась с Аркашей, хороший ведь парень, и что случилось? Куда он подевался? – Она вывернулась из объятий подруги и поднялась на крылечко. – Пойдём в дом. Покажу тебе его красоту и убранство. Своими руками в нём всё сделал отец Антона и сам Антон. Увидишь – не поверишь. А это правда.

«Хорошо. Хорошо, что не сердится больше. А то хоть бери и уезжай. Что за отдых, когда дуются».

Однако больше времени у неё на размышления не осталось: внизу, у подножия склона, послышались весёлые голоса, громкий смех, и на дорожке к дому показалась целая толпа молодёжи. Впереди всех уверенно выступал Антон.

...Из-за колонны появилась жрица. Это была Ганая. Великолепно сложенная, статная, с длинной гибкой шеей и маленькой изящной головкой, украшением которой сейчас была сверкающая в лучах заходящего солнца роскошная диадема; миниатюрная ножка в сандалии, появлявшаяся в складках пурпурных одежд всякий раз, когда женищина делала очередной шаг; обнажённые до плеч руки и откровенно обнажённая, полная, чашеобразная грудь, соблазнительно подрагивавшая от её шагов. Никто не смог бы устоять перед такой! И Ганая это знала.

– Ханэй! Твой отец с ног сбился, разыскивая тебя. Меня упросил отправиться на поиски. Что-то ты, друг мой, понурый и невесёлый. Что стряслось? Не таись, я всё-таки не чужая тебе, расскажи о своей печали. Не оттого ли и от всех ушёл сюда, чтобы с печалью справиться?

Женищина говорила всё это, приближаясь в плавном движении бёдер и проникновенно глядя в глаза юноше, и с каждым шагом её приближения, он начинал всё больше ощущать её притягательную силу и невозможность сопротивляться её обаянию.

С самого раннего детства Ханэй помнил эту силу её притяжения. Ещё ребёнком он испытывал странную растерянность и одновременно внутреннюю потребность в этой растерянности, когда Ганая гладила его по головке или брала на руки. Если он оказывался у неё на коленях, то не мог надыхаться ароматами, исходившими от её одежды и кожи. Ему нравилось гладить её обнажённые руки и гладкую шею. Ганая смеялась, откидывая голову, и прижимала его к себе сильнее, и он тоже начинал смеяться. С возрастом он всё отчётливее осознавал, что она не просто так играет с ним, гладит его пышные золотистые волосы, не просто целует его и словно ненароком открывает его взору свою высокую, чашеобразную, волнующую белизной и полнотой грудь. И всегда при этом от неё исходил едва уловимый, но очень устойчивый и остающийся в чувственной памяти, сладкий аромат. Этот аромат словно бы был живой и желал, чтобы им наслаждались. И этим ароматом в действительности и была сама Ганая.

«Не увидала ли она уходящую Нэю? – с тревогой подумал он, несмотря на охватившее его волнующее притяжение к Гане, – никто не должен знать о наших тайных встречах! ... И что она делала здесь, за колонной?» – следом пронеслось в голове. Но жрица была уже совсем рядом и протягивала к нему руки, предлагая присесть с ней на скамью. Ханэй и сам не успел опомниться, как уже сидел рядом с ней и ощущал её дыхание на своём лице – так близко она опустилась на скамью рядом с ним. Веяло от неё всё тем же невероятным ароматом, глаза заботливо вглядывались в его лицо, и полная, белая, чашеобразная грудь с огромным синим сапфиром на золотой цепочке между этими чашами, взволнованно вздымалась прямо перед его глазами. У Ханэя закружилась голова.

– Так что случилось с моим дорогим другом? Нет ничего такого, в чём я не смогла бы ему помочь, – наклонившись ещё ближе к лицу юноши, нежно произнесла Ганая. – Не таись. Я всё улажу...

Ханэй всё ещё помнил о Нэе, всё ещё остатки печали сжимали его сердце, но аромат, кожа, глаза, грудь этой женщины постепенно закрывали от него его любимую...

– Нет, нет, Ханэй, ты слишком торопишься, – как сквозь вату услышал он гортанный смех женщины и обнаружил, что держит её в объятиях и покрывает поцелуями её дивную шею и упругую грудь. – Не торопись, друг мой. Ты же всё ещё любишь свою Нэю, не правда ли? Но я-то знаю, что она не слишком стремится сделать тебя счастливым, – её чувственный смех умолк, и взгляд жрицы потемнел... – Я знаю, что отец подыскал ей мужа, богатого и старого, а она не собирается перечить отцу, она согласна тебя променять на этого богатого старика!.. Разве это справедливо? – голос её зазвучал вкрадчиво, и жрица провела кончиками душистых пальцев по лицу юноши, по его лбу, лаская, – снизу вверх – и зарылась ими в его золотых волосах. – Ты такой красивый! Молодой и любящий! А она! – голос её возмущённо задрожал, – она готова бросить тебя ради богатства... Ну это ли справедливо?! – Ганая внезапно потянула юношу за волосы, откинув его голову назад, и жадно прильнула к его губам...

Ханэй успел только подумать, что это действительно совсем несправедливо, и тут же полностью отдался её воле...

...Когда страсть обоих была удовлетворена, и юноша, со всё ещё кружащейся от взывopodobного завершения акта совокупления головой лежал на каменной скамье, медленно приходя в себя, Ганая встала, грациозным движением рук поправила одежды, причёску с диадемой в волосах и, ни слова не говоря, растворилась в сумерках наступающего вечера.

«Что это было? И что я наделал?!» – в ужасе вдруг вскочил со скамьи юноша. Однако мгновенно вспомнилось, о чём жрица рассказала ему – Нэя предала его, бросила ради богатства! А притворялась, что любит!

«Хорошо, Нэя, будь по-твоему: возможно, именно так Боги и решили за нас. Но с такой же силой, с какой я любил тебя, теперь я буду тебя ненавидеть. Берегись!»

Ханэй стремительно выбежал из грота, и сумерки так же мгновенно, как до этого Ганая, поглотили и его. Лишь растоптанный, утративший всю свою чистоту и прелесть бледно-голубой ирис, вытавивший из волос Нэи, остался лежать на каменном полу безучастного к людским драмам грота, как напоминание о прежней целомудренной любви двух юных сердец. И одному из этих сердец вскоре предстояло перестать биться...

Среди ночи Катя проснулась. Ей что-то приснилось, а что – не могла вспомнить: как корова языком слизнула! Но было там, во сне, что-то тревожное, отчего между лопаток сейчас ощущалась тупая боль и беспокойные токи пронизывали всё межрёберное пространство.

Рядом на кровати сопела Агния. Ей, видимо, тоже снилось что-то экстраординарное, потому что посапывание вдруг сменилось отчётливым храпом, который она сама же и преврала, перевернувшись на бок, но сразу после этого пошли почмокивания, и очень тоненьким, совсем не своим голосом она резко произнесла:

– Катя! – и тут же заохала и задвигала руками.

«Во даёт! – изумилась Катя. – Неужели так на неё подействовала моя фраза про Антона?»

Она совсем проснулась и начала слушать придыхания Агнии и нечленораздельные звуки, среди которых ещё несколько раз прозвучало её имя. Прислушиваясь к тому, что происходило с Агнией, Катя не заметила, как её внимание перешло на Антона.

«Интересный молодой человек... хотя, что в нём такого уж интересного! А вот Агния как будто не в себе. Ревнует, что ли? Подумаешь, Антон мне улыбнулся и взялся рюкзак нести».

Но Катя чувствовала, что не совсем откровенна сама с собой. Дело было не в их, её, Кати и Антона, словах и действиях, а в той интонации, с которой она произнесла ту фразу о его внешности, и в той эмоции, которая проскользнула в улыбке Антона, предназначавшейся ей. И потом эта неловкая пауза перед домом... Агния не могла этого не заметить.

«Ну и что? Мало ли какие чувства и эмоции у меня и Антона могли возникнуть! Она моя лучшая подруга, а это значит, что её парень для меня не парень вовсе, а просто человек. А Антон, к тому же – хороший человек. Как же хороший человек может не нравиться? А уж что там Антон имел в виду своей улыбкой, пусть они сами между собой разбираются. И вообще – не надо было меня сюда звать, и вообще – не только меня, но и ни одну девчонку, раз в своём избраннике так сомневаешься!»

Катя почувствовала, что начинает злиться на подругу, но вспомнила, что всё уже разрешилось как-то само собой, её милая Агнэшка оттаяла, и они всей собравшейся толпой, в которой у неё, у Кати, не было ни одного знакомого, сегодня жарили и ели шашлыки, пили домашнее вино из чёрной смородины и до самого позднего вечера сидели в беседке, увитой плющом, и любовались на великолепный розарий и крытые садовые дорожки в обрамлении деревянных решёток с диким виноградом, и на багряный закат, обещавший завтрашнюю жару.

Незаметно Катя снова уснула...

Её разбудил утренний щебет птиц и солнечные блики на янтарного цвета деревянных рейках, которыми были обиты стены и потолок комнаты. Через приоткрытую дверь балкона в неё вливался легкий аромат свежескошенной травы и наполнял воздух такой же свежестью – свежестью раннего утра.

Рядом, слева на кровати, где всю ночь металась Агния, никого не было. В доме было тихо. Катя вышла на балкон.

Эта часть дома окнами и балконом смотрела на сад и огород. Вчера было слишком поздно, чтобы, выйдя на балкон, любоваться их красотами, но сейчас Катя с удовольствием рассматривала то, что явилось её глазам с высоты второго этажа. Чуть слева была устроена альпийская горка, поражавшая многообразием и пестротой растений. Вокруг горки вместо обыч-

ных клумб в больших глиняных кадках пышно разрослись цветы самых разных форм и цвета: здесь были и обычные анютины глазки, и настурции, и ромашки, и даже ярко-синие васильки. Пурпурный «львиный зев» величаво возносился над всем этим цветочным царством.

«Как красиво! – задохнулась Катя. – Прямо как в том саду во сне. Не хватает только грота и скульптур!»

Она оперлась на деревянные витые перила, такие же замысловато-необычные, как перила на крылечке перед входом в дом.

«Как красиво! И сколько вкуса во всём! Наверное, это мама Антона ведаёт эстетикой усадьбы. А кто же, интересно, воплощает её фантазии в жизнь? Неужели Антон? Или его отец?»

Дальше, за горкой, начинались ягодные кусты. Круче всех был куст красной смородины – в лучах солнца он сиял алым драгоценным камнем. Катя сначала даже не поверила, что это таким изобилием ягод усыпаны его ветки. Издали казалось, что на нём нет листвы – одни ягоды! – можно было даже сказать: куст «пурпурел» ими. А рядом с ним, будто оттеняя его воинственность, стройно тянулись вверх три жёлтые лилии. Дальше в художественном беспорядке, который лишь непосвящённый мог бы назвать беспорядком, раскинулись яблоньки, сливы, вишни и между ними – снова кусты красной и чёрной смородины, группкой отдельно росли несколько кустов красного и зелёного крыжовника, по периметру высились разросшиеся кусты малины, а совсем уже в отдалении виднелись несколько парников под плёнкой.

«Да-а-а, – протянула Катя в восхищении. – Вот это „да“ себе! И возразить против такой дачи нечего. Но сколько же труда сюда вложено. И не в один год. Ещё и с климатом нашим кислым! Молодец Агния, правильный выбор сделала. И детишкам их с Антоном будет где расти и оздоравливаться».

Она сладко потянулась, хрустнув косточками пальцев рук, прижала глаза от лучей солнца и только сейчас обратила внимание на уж очень тихую тишину в доме и вокруг него.

«Интересно, куда все подевались? Неужели за грибами отправились? А может, на озеро? – Агния говорила, что озеро недалеко есть. Нет, на озеро ещё рано», – решила Катя, выходя на маленькую деревянную площадку, с которой начиналась лесенка вниз со второго этажа, из комнаты, предложенной Антоном для неё и Агнии. Комната эта, довольно просторная, но уютная, была бы солнечной от одной только янтарного цвета деревянной рейки, которой была отделана. А широченная кровать, вместившая бы в себя и троих, с очень удобным современным матрасом и высокими старинными подушками, была главной её достопримечательностью. Как только вчера вечером Катя коснулась этих подушек головой, так и провалилась в сладостный сон! А после того, как проснулась ночью, именно ощущение необыкновенно воздушного матраса под ней, помогло справиться с мыслями и снова сладко уснув, досмотреть свой удивительный сон.

Катя осторожно ступила на первую ступеньку очень крутой, узкой, и даже без перил, самодельной деревянной лесенки на первый этаж.

«Крутова-а-а-то! А если выпить? Рухнешь и костей не соберёшь. Видно, никто в этой семье не пьёт, вот и не страшна эта лесенка им! – Катя почувствовала, как озорное и дурашливое настроение возвращается к ней – Так-то лучше. Не дрейфь, Катерина, и судьба будет к тебе благосклонна!»

Наконец опасно крутые ступеньки были преодолены, и она вошла в просторную кухню. Здесь пахло вкусно и сытно. За столом, лицом ко входу, сидел Антон, и Агния со стопкой блинов на тарелке уже подходила к нему от плиты. На столе стояли миски со сметаной и с творогом. Творог был рассыпчатый, а сметана – желтоватая, густая. На блюде горкой возвышались чашки, тут же пытел небольшой расписной электрический самовар.

– Проснулась, подруга? – Агния поставила тарелку с блинами на стол, и сама села рядом с Антоном, вскользь, безразлично, глянув на Катю.

– Проснулась, – просто ответила Катя и подумала, что, видимо, Агния сегодня встала не с той ноги: «Даже не посмотрела на меня. И не мудрено – всю ночь кататься по постели и стонать».

– Как спалось на новом месте? – дружелюбно, но уже без вчерашней ласкающей улыбки посмотрел на неё Антон. – Комары не мешали?

– Да нет. Комаров не было. И спала хорошо. Хотя... Какой-то сон тревожный приснился... – она сконфужено улыбнулась.

– Что за сон? – скорее, из приличия, чем любопытствуя, наливая в чашку чай и пододвигая к себе миску с творогом, поинтересовался Антон.

– Не знаю... какой-то странный... А о чём – не помню... – почему-то вдруг сказала неправду Катя. – Да ладно! – тут же оборвала она свои рассуждения, метнув взгляд на Агнию, отстранённо жуящую блин, – сон как сон – обычный.

И действительно, всё это время Агния сидела молча и словно не присутствовала здесь... Но теперь потянулась за чашкой и, подставив её под краник самовара, всё так же безразлично, наблюдая за тем, как из краника медленно набирается вода в чашку, произнесла:

– За грибами сейчас пойдём. Ты с нами?

– А где все? Тоже за грибами ушли? – не ответив, Катя села за стол напротив них.

– Нет, уехали. Сказали – надоело. Один день поразвлекались, и хватит.

«Как-то странно это... И вообще, всё как-то странно», – потревожив, мелькнула мысль, но Катя ничего не возразила и никак не прокомментировала сказанное Агнией. Она тоже налила себе чаю и с удовольствием принялась за блины, а вслух, согласно кивнув головой, ответила:

– Да, с вами пойду. Давно в лесу не была. Лет пять. После Сиверской.

– Зачем тебе мобильник в лесу? Там он всё равно не берёт.

Агния стояла на крылечке уже одетая по-походному: ветровка с капюшоном, плотные брюки в резиновые сапоги и потрёпанная кепка на голове. На локте у неё болталось средних размеров пластиковое ведёрко.

Катя тоже приоделась для леса, благо в доме нашлось много разных вещей для этих целей. Антон пояснил, что к матери с отцом часто в гости знакомые и знакомые знакомых приезжают. Потому и свезена разная одежда сюда, на дачу, и для походов за грибами, и для рыбалки, и для загорания на озере, и для других всяких разных дачных целей.

Ей в руки тоже было дано ведёрко, правда, поменьше. Но Катя была этому несказанно рада, так как очень сомневалась, что будет лазить по буеракам леса и настырно ковырять прутиком мох и всякую разную листву в поисках грибов. Намного привычнее ей был сухой сосновый лес, где всё просматривалось на расстоянии. Но и в таком лесу она не была уже лет пять – сначала учёба, теперь работа не оставляли времени для подобных вылазок. Другое дело – поездка в деревню или на дачу на неделю или дней на десять, как вот сейчас, в отпуске. Но ни домика в деревне, ни дачи у Кати не было. Отец давно ушёл от них с мамой и теперь жил где-то на Дальнем Востоке. Мама рано умерла – когда Катя только окончила институт. Никаких богатств и дач мама не создала, и посему у Кати этого тоже не было. Осталась только однокомнатная квартирка в спальном районе. И на том – спасибо. Катя, как и мама, не была меркантильной. Они обе считали, что главное – это комфорт души, ну и необходимый комфорт по жизни. Но только действительно – необходимый. Такой комфорт у Кати был. Вот и сейчас она хотела сунуть мобильник в карман куртки ради привычного комфорта, но не стала этого делать после слов Агнии.

«Действительно – зачем мне мобильник в лесу? Все вместе ходить будем, в крайнем случае, как обычно, „ау“ крикну».

– Ну, что, девочки, готовы? – хриловатый голос Антона раздался за спиной Кати. Она вздрогнула.

«Фу-ты! Совсем пужливой стала», – поддела сама себя Катя на деревенский лад и тут же вместе с Агнией произнесла:

– Готовы-готовы!

– Тогда – в путь! – командовал Антон и, встав во главе их маленького отряда, зашагал вниз с пригорка в сторону видневшегося вдалеке леса.

Лес и в самом деле состоял в основном из буераков и бурелома. Недавно прошедшие дожди сделали его ещё и болотистым. По кочкам в изобилии были рассыпаны кустики черники с глянцевыми, тёмно-синими ягодами. Местами с ними соперничали кустики только-только начинающей созревать брусники. Грибов было совсем мало, если не сказать – почти не было.

Катя не переносила комаров, вернее, комары очень любили её. В основном по этой причине она и не любила вылазок ни за грибами, ни за ягодами в эти болотистые леса. Сейчас она усиленно мазалась бальзамом «звёздочка» и дополнительно к капюшону «толстовки» надела на голову ещё и кепку. Но комары не думали отставать. Потому, конечно, Кате было не до грибов. Она просто шла, вернее, пробиралась вслед за Агнией. Агния то и дело приседала, проверяя, съедобный ли гриб ей попался, и если гриб съедобный, то не червивый ли. Антон шёл чуть в стороне и время от времени окликал их. В ответ Агния «аукала». Так, не торопясь, они продвигались вперёд.

Этот лес у Карельского перешейка был не только болотистым, но и каменистым. Иногда среди низких кустарников и стоявших группками осин и берёз, между елей и ёлочек им попадались гранитные обломки. Они были разбросаны и кучками, и по одиночке, но попадались и большие куски скал. Самих скал на их пути ещё не встретилось, но Антон, пока они шли по лесной дороге, успел рассказать, что в лесу есть немало цельных гранитных гряд, которые могут тянуться и на несколько метров, и на несколько километров.

Они снова вышли на песчаную лесную дорогу, и Антон, перейдя её, начал углубляться в лес, предположив, что на этой стороне лесного массива, им, возможно, больше повезёт с грибами.

Агния и Катя последовали за ним.

Они прошли совсем немного, когда чуть впереди возникла одна из тех самых гранитных гряд. Была она совсем невысокой, но достаточно отвесной, и весь её склон был усеян какими-то кустиками, карликовыми деревцами и густым плотным мхом. Там, где они остановились, гряда как раз полого поднималась из земли – это было её начало. Антон предложил девушкам идти

вдоль скалы влево, а сам, обогнув скалу справа, у начала, пошёл вдоль неё с другой стороны. Где-то там, в неведомой для Кати дали, она и Агния должны были с ним сойтись.

– Договорились! Значит, до встречи. Смотрите, девчонки, не разбегайтесь друг от дружки – места здесь дремучие. – Антон сделал «страшные» глаза и тут же улыбнулся. – Но если серьёзно, то лес здесь и вправду «нелёгкий», да Агния его как свои пять пальцев уже знает... И держитесь солнца – слева оно должно быть... Ну и на гряде ориентируйтесь... – и повернувшись к ним спиной, поднял вверх руку в прощальном приветствии. Спустя минуту он уже скрылся за грядой...

Катя посмотрела на Агнию – та провожала взглядом Антона и казалась ещё более задумчивой и отрешённой, чем утром на кухне.

«И что такое с ней? Никогда такой её не видела... Может, правда, ревнует? Может, не стоило мне оставаться?... ну да что теперь-то рассуждать? надо-не надо... вот вернёмся из лесу, и если она „не отойдёт“, уеду...» – она поправила бейсболку на голове:

– Ну, что? Пошли, Агнэша?

Та только молча кивнула и направилась вдоль гряды, присматриваясь к тому, что попало под ноги, и что росло неподалёку...

...Грибов и здесь было очень мало – можно сказать – совсем не было. Зато черники, и начинающей созреть брусники, – полным-полно. Местами черничные кустики были даже не видны под сплошным изобилием ягод на них. Ягоды были крупные-крупные! Глянцевые-глянцевые! И так и просились в рот! Катя то и дело приседала около кустиков и с наслаждением поедала эти экологичные и натуральные витамины! А Агния шла и шла вперёд, не обращая никакого на них внимания, и, по всей видимости, искала только грибы. Катя едва поспевала за ней. ...Они ни о чём не разговаривали – каждая занималась своим делом...

...В какой-то момент Катя отвлеклась на особенно аппетитный куст черники, сплошь усыпанный крупными ягодами: мимо него точно невозможно было пройти! Она присела на корточки и начала с удовольствием срывать ягоду за ягодой, кладя их себе в рот. Ягоды на этом кустике были и на самом деле особенно вкусные – очень сочные и очень сладкие, и они совсем не походили на ту чернику, которую продавали старушки в городе около станций метро.

Она так увлеклась ягодами, что перестала краем глаза следить за маршрутом Агнии. А когда объела наконец весь кустик и подняла глаза, не увидела даже напоминания о том, что кто-то здесь был рядом. Тишина поглотила все звуки. Лес стоял всё такой же сырой и полутёмный. Солнце куда-то подевалось, и тот единственный ориентир, о котором говорил Антон – солнце всё время должно быть слева, – исчез. Катю мгновенно охватил ужас. Она ясно поняла, что осталась одна. Никто не придёт ей на помощь. Никто! С учащённо бьющимся сердцем по инерции сунула руку в карман за мобильником, но вспомнила, что по совету Агнии оставила его в доме! Тогда, всё ещё стараясь верить, что «не может этого быть», она приложила руки рупором ко рту и что было сил заорала: «Ого-го! Ау-у-у-у! Где вы!» – но тишина, возникшая после её крика, оказалась ещё страшнее предыдущей. Даже эхо не откликнулось на её отчаянный призыв. Кате показалось, что осталась она совсем одна не только в этом мрачном лесу, но и на целом свете. ...И она заплакала...

...Этот ужасный – холодный, мокрый и захламливаемый лес, казалось, никогда не кончится. Ровного места в этом лесу, по-видимому, не существовало по определению: то яма, наполненная водой подо мхом, то куски от скалы навалом, то валежник такой густой, что продрасться сквозь него было немыслимо, то россыпи черники, а под ними всё те же ямки с водой и кочки. Ноги в больших, не по размеру, болтавшихся на ногах чужих резиновых сапогах, все время спотыкались и подворачивались на них. Ведёрко, безнадежно пустое и ненужное, тянуло руку своими трепыханиями при каждом шаге. Выбросить бы его! Но Катя почему-то не смела – наверное, оттого что не её. Комары надоедливо кружили над головой, норовя впитаться в любое мало-мальски приоткрытое и не смазанное «звёздочкой» место. Сначала Катя отмахивалась

и домазывалась мазью, но постепенно физическая усталость и безысходность заполнили всё её существо, и она перестала защищаться от них. Кроме того, от трудной ходьбы стала давать знать о себе травма ноги, полученная в детстве – сильно заныла щиколотка, и каждый шаг отдавался болью во всём теле...

...В лесу становилось всё пасмурнее и всё мрачнее. Солнце, которое вначале изредка появлялось из-за туч и с трудом прорывалось через верхушки деревьев, бросив блик на мох или кусок скалы, отвалившейся от основного массива, и позволявшее Кате хоть как-то сориентироваться, теперь совсем пропало – видимо, дело шло к вечеру. Она еле тащила своё измотанное тело на то и дело спотыкавшихся, и горевших в резиновых сапогах, ногах. Да, она была закалённым пешеходом, могла пройти десяток километров и не устать, но сейчас, многочасовое движение по пересечённой и болотистой местности, пугающая мёртвая тишина и жалящие комары сделали своё дело: Катя начала чувствовать, что вот-вот упадёт без сил прямо в болотистый стылый мох и не сможет уже подняться.

...Впереди смутно замаячили очертания то ли каменного завала, то ли довольно высокой скалы.

«Скала! – пронзило внезапной надеждой сердце. – Это же та скала, вдоль которой Антон отправил нас с Агнией влево, а сам пошёл в обход направо! Значит, я совсем недалеко от лесной дороги, по которой мы пришли! Скорее, скорее вперёд! Я поднимусь на скалу и наверняка увижу эту дорогу. Ведь ещё не так темно. Но надо торопиться. Пока совсем не стемнело!» Она собрала все оставшиеся силы и начала пробираться сквозь сплошной валежник и поваленные ветром деревья. Позабыв об истёртых в кровь ногах и об острой боли в щиколотке, она просто ломилась сквозь заросли навстречу скале. А это действительно была скала, точнее – скалистая гряда, растянувшаяся вправо и влево так далеко, что не знакомому с этим лесом человеку, могло показаться, что она рассекает пополам целиком весь лес. Но Катя знала, что это не так – гряда имела и начало, и конец в самом лесу и, по словам Антона, была не такой уж и протяжённой.

...Но вот и подножие гряды!

Катя принялась карабкаться вверх.

Если издали гряда виделась просто как довольно высокая, то при ближайшем рассмотрении оказалось, что она очень крутая, хотя и невысокая. Весь её склон был одет в серебристый, а сейчас, в сумерках – в серый, жёсткий и пористый мох. То и дело крутой бок склона выявлял впадинку или уступ, но, покрытые сплошным ковром из мокрого мха, они не давали за себя уцепиться руками, а если на них наступала нога в надежде на дополнительную опору, то скользила и срывалась вниз – и Катя оказывалась снова у подножия. Уже совсем стемнело, но она на ощупь, цепляясь за травинки и малюсенькие кустики, продолжала своё восхождение. Ненужное, чужое ведёрко давно было утеряно, кепка во время очередного падения вниз слетела с головы и в темноте не было смысла её искать, а когда Катя, карабкаясь, зацепилась за какую-то корягу ногой и дёрнула её, пытаясь высвободить, слетел болтавшийся, большой, не по размеру сапог, и укатился вниз – нога в носке мгновенно промокла.

Так, ковыляя и прихрамывая, исцарапанная кустарниками и торчащими из мха сломанными ветками, с ободранными в кровь руками и саднящим от комариных укусов лицом, Катя, наконец, выбралась на ровную поверхность гряды. Ничего вокруг не было видно, и только по тому, что ноги перестали скользить вниз, а встали ровно, она и поняла, что стоит на ровной поверхности. Но как далеко тянется эта ровная поверхность, и как далеко другой склон гряды – этого, увы, разглядеть было уже нельзя. Небо тёмным монолитом нависало над головой и – ни одной звёздочки! Луна едва высвечивалась сквозь чернильные тучи тусклым блёклым пятном и будто плыла в вышине, одновременно зависая. Ни звука, ни ветринки, ни... ощущения жизни вокруг...

...Её разбудил пронзительный свист – или ей это только показалось?

Катя обнаружила себя лежащей ничком в болотистой луже, образовавшейся от дождя на гранитной поверхности скалы. Тело заоченело, пальцы рук и ног свело от холода, нога, оставшаяся без сапога, не ощущалась совсем. Светало. И в это мгновение снова раздался пронзительный свист. Поднялся ветер, лес зашумел, и из рассветной мглы на Катю стало надвигаться нечто, не имевшее чётких очертаний, но закрывшее собой всё пространство, которое она могла видеть. Она вскрикнула, подскочила, не чувствуя своего тела, и бросилась бежать. Мгновение – и земля из-под ног ушла. Катя полетела куда-то вниз...

Нещадно палило солнце. Всё лицо горело, и когда Катя попробовала открыть глаза, веки едва приоткрылись. В щёлочки между них высоко вверх она различила смутные очертания макушек деревьев. Она закрыла глаза и отключилась...

Её привело в сознание облегчение: лицо почти не горело, и по глазам не лупило жаркое солнце, видимо, пройдя по небу дальше или скрывшись за верхушками деревьев. Катя глубоко вдохнула влажный воздух, отчего-то с примесью запаха земли и дёрна, и открыла глаза. На этот раз ей это удалось лучше – веки почти не сопротивлялись. Под собой она почувствовала довольно мягкий настил, то ли из рыхлой земли, то ли из мха. В общем и целом она осознала, что чувствует себя не так уж плохо. Правда, тело ломило, нога в носке без сапога замёрзла, а нога, травмированная в детстве – ныла. Всё ещё опасаясь делать резкие движения, повела головой сначала вправо, затем влево – взгляд наткнулся на земляные стены, уходившие вверх. Пошарила руками рядом с собой – всюду была влажная, но тёплая и рыхлая земля. Тогда Катя села. Это далось ей без особого труда, но ноги всё-таки задеревенели и плохо сгибались. Она начала ощупывать себя. Голова цела, но на лбу пальпировался бугор, величиной с небольшое куриное яйцо, и лицо ощущалось опухшим. Шея была в порядке – голова на ней двигалась без помех и боли. Руки и ноги поднимались и опускались, правда, не так активно, как до падения – затекли от долгой неподвижности. Дыханию ничего не мешало.

Катя встала, и у неё закружилась голова. Пришлось прислониться к земляной стене и постоять, прикрыв глаза, пережидая, когда пройдут тёмные круги перед глазами. Она подняла голову, и поняла, что находится на дне достаточно глубокой ямы: вверх, до начала неширокого входного отверстия, насколько можно было видеть, оставалось ещё добрых метра два.

Она закусила губу, чтобы не разрыдаться от отчаяния, и опустилась на земляной пол. Поначалу ни одной мысли не проскальзывало во взбудораженном, мечущемся сознании. Она просто сидела, сгорбившись, и обхватив колени руками. Неподвижно...

...Постепенно сознание стало освобождаться от замешательства и связанного с ним первобытного страха.

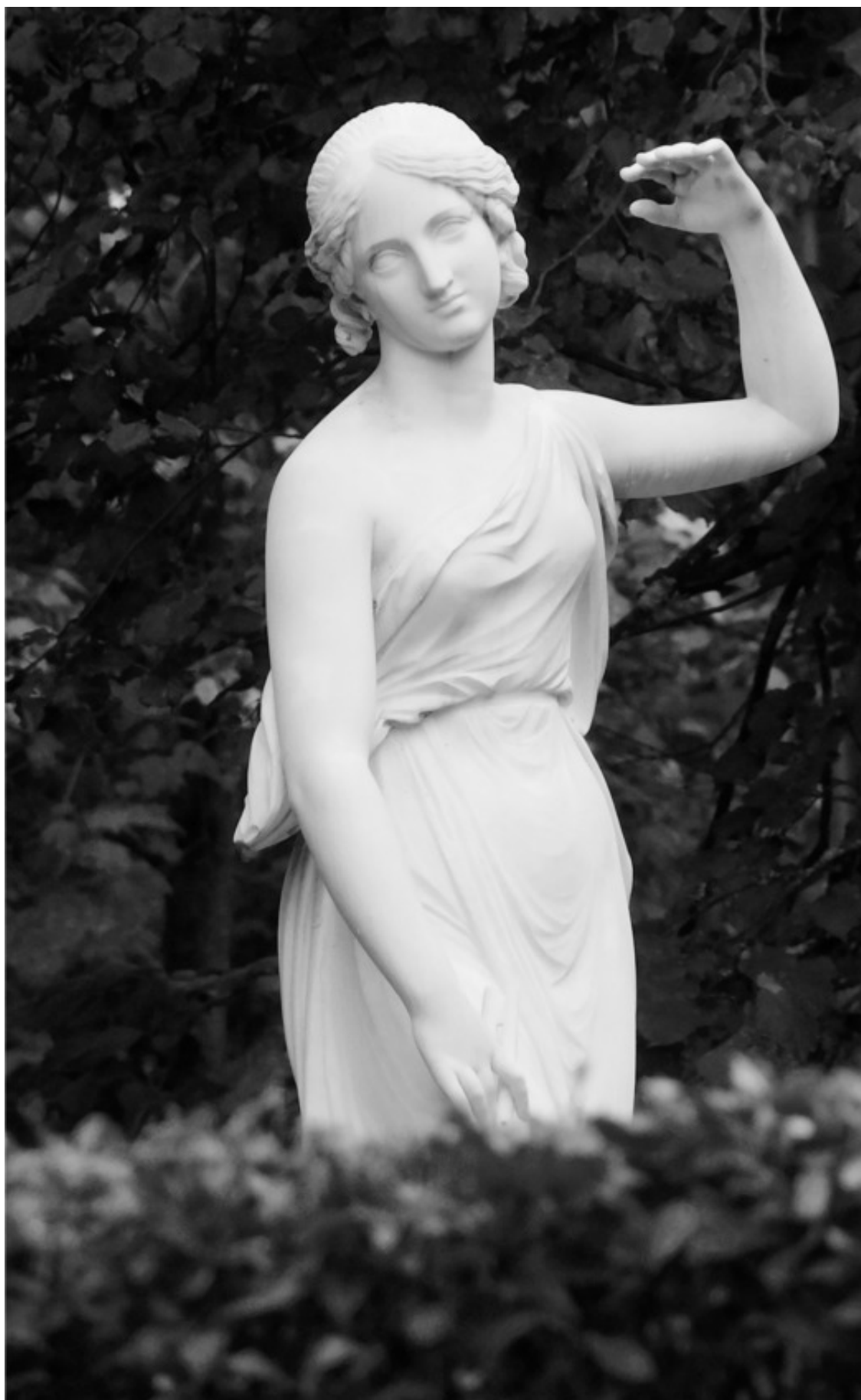
Катя снова встала и осмотрелась. Действительно, до спасительной свободы было метра два. И как добраться до неё, этой свободы? Она вся сконцентрировалась на поиске решения, заставляя разум проясняться всё больше, и получила мгновенный ответ – надо собрать всю землю на дне этой ямы в одно место под стеной и утрамбовать. Наверняка, её хватит на небольшой помост в полметра, а возможно, и больше, а потом, встав на этот помост, выкапывать в стене одну за другой ямки для ног – по две, и ступая в них, подниматься всё выше. Ни на секунду она не усомнилась, что ей это удастся сделать. Отошли на второй план все боли тела, всё его нытьё от ушибов, ударов, комаров, холода и голода. Главным для Кати сейчас было одно – выбраться из ямы, а потому совсем неважно, сколько времени на это у неё уйдёт.

И она начала рыть землю.

– Дочь моя, Нэя. Подойди ко мне. У меня есть хорошая новость для тебя.

Ерифий, отец Нэи, совсем ещё нестарый мужчина, стоял в зале своего богатого дома, окружённый молоденькими служанками, обычно помогавшими ему снимать уличные одежды. Был он воином до мозга костей, и всё, включая его одежду и стать, говорило об этом. Сейчас он был одет в короткую чёрную тунику до колен, подпоясанную кручёным золотым инуrom с кистями на концах, к которому справа был подвешен короткий нож в чёрных ножнах; голову украшал золотой обруч, а широкие золотые браслеты обнимали оба его предплечья; ноги крепко стояли на мраморном полу, обутые в чёрные с золотым открытые сандалии, зашнурованные до колен. Коротко стриженные каштановые волосы, гладко выбритое лицо с едва очерченной каштановой бородкой, орлиный нос и узкие губы.

Нэя только что вошла в зал. Она улыбнулась и послушно направилась к отцу. Совсем коротенькая, лишь до середины бёдер, белая льняная туника с таким же, как и у отца, кручёным золотым инуrom с кистями, сколотая на плечах золотыми булавками, и открывавшая руки и тонкую девичью шею; перекинутый через левое плечо шёлковой шоколадно-золотистый шарф; коричневый, в тон шарфу, кожаный плетёный ремешок охватывает лоб и умиряет пышные золотисто-каштановые волосы; такие же как и у отца, но только коричневые, кожаные плетёные сандалии, со шнуровкой до колен. Во всём её облике сквозила чистота и непорочность юности, её доверчивость и открытость миру.

Ничего в её внешности не подсказывало, что Ерифий её отец – была она полной ему противоположностью: овальное личико, продолговатые оливковые глаза, пухленький маленький ротик и аккуратный скульптурный носик. Разве только статность да цвет волос, но и он у Нэи был больше золотистый, чем каштановый. Но, возможно, Нэя была больше в свою мать, однако сама она не могла судить об этом, поскольку через семь минут после своего рождения, потеряла её.

Отца она любила безгранично, хотя Ерифий мало уделял ей внимания и редко поощрял её детские прихоти. Почти всё своё детство Нэя провела в окружении рабынь.

Ерифий жестом отослал служанок и присел на скамью из палисандра. Дочь послушно приблизилась к отцу.

– Нэя, дочь моя. Пришло время твоего замужества.

Услышав слова отца, девушка замерла.

– Давно можно было выдавать тебя, годы твои позволяли это. Однако, зная твою с детских лет привязанность к Ханэю, младшему сыну моего лучшего друга, и Ханэя – к тебе, не торопился я, ожидая, когда и Ханэй, достигнув мужского возраста, станет настоящим воином, и вы сможете соединить оба наши знатных рода.

Ерифий помолчал. Нэя, замерев, стояла перед ним, опустив глаза, и с тревогой ожидая продолжения.

– Дитя моё! Знаю, не много времени уделял я тебе, занятый походами и сражениями со страшным Удриллой. Но всем сердцем хочу я тебе счастья. И вижу я, что ожидания мои в отношении Ханэя не оправдались. Не стал он ни мужчиной настоящим, ни воином. Все мысли его занимают не спортивные состязания и воинские тренировки, а лишь поэзия и музыка. Не станет он настоящим мужчиной... Мягок он и податлив... Ум его не рассудительный, но чувственный, и что ждёт его на пути таком – не берусь предсказать, но воином ему не быть. А посему – и мужем твоим! – закончил свою речь Ерифий, сверкнув глазами.

Нэя пошатнулась и едва устояла на ногах.

– Вижу – тяжело тебе это слышать. Но есть и хорошая новость для тебя: хочет взять тебя в жёны Тэрий, из рода Сигелов. Знатный, богатый... и отважный воин! Жена его, Парисия, умерла в родах, как и мать твоя, оставив младенца сына на руках Тэрия... Да-а-а... Достойным юношей воспитал он сына... Но сейчас речь не о его сыне, а о нём самом. Так вот... Старше он тебя, дочь моя... старше на двадцать лет. – Ерифий увидел, как побелело лицо дочери, и взгляд его смягчился: – Но это ничего не значит, дитя моё. Я хорошо знаю Тэрия и верю, что с ним ты будешь счастлива. – Взгляд его снова обрёл жёсткость: – Думаю, свадьбу сыграем на Лунный День. Я всё сказал.

Ерифий поднялся со скамьи, и хлопнув в ладоши, призвал к себе рабынь, сразу забыв о дочери.

Не чувствуя под собой земли, девушка как во сне прошла через залу и вышла на террасу. Перед ней раскинулся парк – весь в солнечном свете и ярких красках экзотических цветов. Но она не видела ничего. Слёзы, беззвучные и горькие, пролились на ступени террасы, по которым Нэя спустилась в сад. Там, среди тисовых аллей, нашла она скамью, и присев на неё, отдалась своей печали. Перечить отцу она не смела...

Сначала рыть было нетяжело. Земля на дне ямы не была утрамбована и потому легко сгребалась в кучу. Но по мере того, как снимался слой за слоем, дно становилось все плотнее и наконец уплотнилось настолько, что Катя не могла уже больше копать землю без какого-либо подручного средства. К этому времени она уже настолько выдохлась, что, не найдя вокруг ничего, с помощью чего можно было бы продолжить работу, села на созданный ею, утрамбованный земляной уступ возле одной из стен ямы и задремала...

...Что-то больно ударило её по ноге. Она вскрикнула и открыла глаза. Над головой, там, наверху, в солнечных лучах сиял летний день, качая верхушками деревьев, а у её ног лежала приличной толщины ветка, на одном из концов которой в виде кочерги торчал толстый и длинный сучок.

Катя посмотрела наверх, но кроме чистого неба и упруго раскачивающихся верхушек деревьев, ничего больше не увидела.

«Откуда же она такая прилетела? Хорошо – не по голове».

Она внимательно пригляделась к ветке, взяла её в руку, и тут до неё дошло, что это и есть тот необходимый инструмент, без которого она ещё долго рыла бы землю, обдирая руки и ломая ногти.

Тогда Катя снова подняла голову и, непонятно кому там, вверху, с чувством произнесла вслух:

– Спасибо!

...И вот уже её подбородок коснулся травяного края ямы. На уровне глаз серебрился мох и зеленели кустики брусники с бледно-рубиновыми ягодками. Ноги плотно стояли в последних вырытых земляных ямках на стене, и Катя, согнув обе руки в локтях, крепко оперлась ими о травяной настил, постояла так немного, вдыхая аромат леса и собираясь с силами, а потом, сосчитав до трёх, подтянула своё тело и перевалила его через край ямы.

...Она стояла на краю своей земляной ловушки. Это и в самом деле была просто земляная яма, вырытая кем-то когда-то для каких-то одному тому человеку ведомых целей. И эта яма находилась на дне глубокого оврага, одну сторону которого составлял отвесный и крутой склон гранитной гряды. Другой склон оврага был пологим, как ковром сплошь усыпанный кустиками черники, и уходил в заболоченный, и так хорошо теперь знакомый Кате, и сегодня – приветливый, наполненный солнечными лучами, лес.

Невдалеке шумнула крыльями птица. Потом скрипнуло хилое деревцо. Потом солнце прошло по кустам черники, обнажив покрывало из крупных, глянцевого, темно-синих ягод, и заиграло лучиками, рождая нежную симфонию ярко-зелёного света и тёмно-зелёной тени. Ветерок прошёлся по верхушкам деревьев, и в лесу возродилась жизнь!

Катя всхлипнула, глядя на игру природы и возвращение жизни в ней, ещё раз всхлипнула, улыбнулась и... зарыдала в голос.

Откуда-то, издали сознания, пришло:

«Плачь, девочка, плачь! Не стесняйся. Глядишь, со слезами-то хворь тела, да боль души-то и уйдут. Не век же тебе маяться, не век же тебе страдать. Придёт и к тебе радость, пройдёт и по твоей улице инкассатор!»

От столь неожиданной и совсем уже не из далёкого-далека пришедшей концовки увещевания, Катя поперхнулась своим всхлипом и... рассмеялась.

«Вот и поплачь здесь от души! Конечно, явно кто-то по-злодейски надо мной подшутил, а может, и не подшутил... за что только?» – неожиданно всколыхнулось подозрение, удивив саму Катю, и от этого только ещё больше укрепилось в сознании на уровне интуиции.

«Знать бы. Кому я так дорогу перешла, что реально – смерти моей ему захотелось?»

Но, как бы споря с самой собой, продолжила:

«А почему, собственно, я решила, что кому-то понадобилось меня угробить? Отвлеклась на ягоду я сама и потому потерялась, выходит, сама».

Однако внутренний голос говорил ей, что без чьего-либо участия здесь не обошлось. Она присела у края ямы... На сердце снова потемнело, как от надвигающейся грозы. Её не возбуждала больше жизнь природы вокруг, на душе становилось всё тревожней.

Сама не замечая того, Катя горестно вздохнула и грустно поникла головой.

Что-то сверкнуло у неё на пальце правой руки.

«Боже мой! Как же я могла забыть? Ведь это мамочкин подарок! Это тонкое золотое колечко с малюсеньким четырёхугольным гранатом мама подарила мне в день моего зачисления в институт. Как тогда я радовалась этому подарку! И с тех пор никогда его не снимала».

Она стала разглядывать своё колечко, поворачивая руку и так и этак. Конечно! Как можно было не позабыть о нём, если руки покрывал слой засохшей грязи! Катя вырвала из земли кусок влажного мха и начала оттирать колечко. Потом, как смогла, оттерла от земли исцарапанные, саднившие руки.

«Мама, мамочка моя родная... как же мне тебя сейчас не хватает... ты всегда могла своими руками развесть тени сомнений над моей головой и тучи любых бед... ты смогла бы сейчас придать мужества моим мыслям и унять боль в моём теле. За что такое испытание мне? А может – для чего?! Ты одна смогла бы помочь мне разобраться во всём, мамочка моя...»

Катя почувствовала слезу на щеке. В носу противненько защекотало. Горло сдавил спазм.

«Не надо больше плакать! Да! Пройдёт и по моей улице инкассатор! – Она поднесла к лицу руку с колечком, любуясь им, и улыбнулась – Может, он *уже* идёт!» – Потом смахнула слезу, сдавила пальцами крылья носа, унимая щекотание, и посмотрела вокруг. Голодный желудок живо откликнулся на зрелые ягоды черники.

«Всё. Сейчас пощипаю ягод, и пойду дорогу искать. Нет дождя. Хорошо. А то в одном изодранном носке далеко бы не ушла. Ничего, день только начинается. Буду искать дорогу».

Она принялась ощипывать ягоды, сначала сразу отправляя сорванную ягоду в рот, но затем, насытившись и напившись соком ягод, стала собирать в пригоршню, и уже пригоршней кидать в рот. Наконец почувствовала, что наелась до отвала! И пить уже тоже не хотелось.

«Всё. Хватит. Наверняка в лесу ягод ещё найду. А сейчас надо идти. Солнце справа. Значит, надо развернуться вправо и идти, придерживаясь направления с солнцем слева как учил Антон».

И стоило ей вдруг вспомнить Антона, как всплыло лицо Агнии, её не улыбочность, отстранённость, метания той ночью в постели и произнесённое таким странным тогда голосом, её, Катину, имя. И фраза – «оставь мобильник»...

Сердце неприятно дрогнуло и его словно обдало острым морозным холодком.

«Неужели...? Нет. Да и как это возможно?»

Но холодок не отступал. Тогда Катя закинула голову вверх, и приложив ко рту рупором ладони, звонко крикнула:

– О-го-го! Э-гей! Гд-е-е вы!!!

И ей показалось, что лес в ответ звонким эхом отозвался:

– ...з-де-е-сь-ь... мы-ы-ы...

Больше всего на свете Тэрий любил море. И свою жену Парисию.

Был он из рода Сигелов, сильных и смелых воинов, но в душе его с рождения жила поэзия. Это не мешало ему стать настоящим воином, закалённым в сражениях и долгих тяжёлых походах.

Многие девушки из знатных родов мечтали видеть себя рядом с ним, разделять с ним ложе и рожать от него детей, таких же сильных и смелых воинов. Однако Тэрию военное дело было милее всего. Возникавшую потребность в жёнищине он удовлетворял в храмах со жрицами и продолжал свою жизнь воина. Но однажды на берегу моря он встретил девушку. Она шла навстречу ему, но Тэрию показалось, что девушка парит над морем. Была она тонка и хрупка, будто вырезанная чуткой рукой мастера из слоновой кости статуэтка. Только две белоснежные полосы ткани прикрывали её юное тело, переброшенные через плечи и подпоясанные на талии плетёным пояском. Сквозь неплотно прилегающую ткань были видны не совсем ещё сформировавшиеся груди, узкие бёдра и тёмный пушок между ними. Тонкие руки и длинные стройные ноги. Гладкая кожа с медным отливом.

Когда девушка приблизилась вплотную, Тэрий заглянул ей в глаза – там была притягательная потребность в мужской защите и одновременно непорочная порочность. Её глаза манили его, призывали соединиться с ней, звали за собой... и при этом ничего не обещали.

Тэрий остановил её, тронул за руку.

«Станешь моей?» – спросил без слов.

«Стану», – так же без слов ответила девушка.

Он привлёк её к себе и одним движением скинул с её плеч белые полосы. Обнажилась малюсенькая, почти юношеская грудь, с плоскими «пуговками» сосков. Но, как ни странно, именно эта неразвитая ещё грудь, возбудила Тэрия до дрожи во всём теле.

Он так же, одним движением, развязал пояс, и вот перед ним стояла меднокожая статуэтка – хрупкая и неземная в своей хрупкости. Она стояла неподвижно и молча, глядя на него почти безразлично, словно не участвуя в происходящем. Но в этом её безразличии был такой призыв взять её, что Тэрий совсем потерял голову. Он приник к её губам! И они приоткрылись и ожили под его поцелуями... Не в силах больше сопротивляться желанию, он взял девушку на руки и вошёл с ней в море. И тут же овладел ею...

Потом они лежали в пене прибоя, а потом она сказала, что её зовут Парисия. И Тэрий вновь овладел ею. И с этого дня больше всего на свете он уже любил не только море, но и свою Парисию.

А через девять месяцев Парисия родила ему сына, но сама ушла от него на другой берег Реки жизни.

Так он остался один со своим сыном.

Сын рос и превращался в красивого, но такого же хрупкого, как его мать Парисия, юношу. Однако отец воспитал его воином – мужественным, с сильным характером, и вот они уже вместе вели походную жизнь, участвуя в сражениях и празднуя победы. И все эти годы Тэрий, продолжая жизнь воина, не помышлял больше ни об одной жёнищине.

И так прошло семь лет.

В очередной раз вернувшись из похода, Тэрий, как всегда, чтобы набраться сил и усладить свой взор и душу, направился на берег моря. День был ветреный, и море не на шутку разыгралось. Оно гнало к берегу одну волну за другой, рождая пенистые гребни и буруны, от ударов которых о кромку берега веером разлетались солёные брызги.

Тэрий направился к своему любимому месту на берегу, откуда открывался весь морской простор без горизонта. На этой скале он мог стоять часами и вспоминать тот день, когда здесь, у этой скалы, впервые встретил свою Парисию, как они любили друг друга в море и на берегу – в морской пене – и как потом счастливо прожили девять месяцев... Он вошёл на скалу и остановился, залюбовавшись бушующим морем. Вдали оно было тёмно-синего,

даже какого-то свинцового цвета. Но чем ближе волна подходила к берегу, тем всё больше светлела и становилась сначала светло-синей, потом бледно-голубой, потом приобретала желтоватый оттенок, и, наконец, набравшись прибрежного песка, о берег ударялась уже бледно-жёлтой пеной, а откатывалась назад снова бледно-голубой. Тэрий следил взглядом за превращениями волн. Эти превращения околдовывали его... Но внезапно краем глаза он заметил движение – приглядевшись, различил фигурку, приближавшуюся к кромке берега. Фигурка подошла к самому берегу и скинула с себя одежду. Потом ступила в пену прибоя и встала на колени, затем всем телом чуть откинулась назад, и обнажённые ягодницы её опустились на пятки. Издали было видно только, что это девушка с пышными тёмными волосами.

«Зачем она пришла сюда в шорм? Зачем разделась до нага? Кто она?»

Все эти вопросы разом пронеслись в голове Тэрия. Но он не привык раздумывать. Он привык действовать. Несколько минут, и он подходил к девушке.

Да, это была девушка. Судя по позе обнажённой фигурки, она о чём-то разговаривала с морем, или просила его о чём-то. Длинные золотисто-каштановые волосы ниспадали только до гибкой талии, а ниже открывались достаточно крутые бёдра и круглые налитые ягодницы, плотно прижатые к маленьким розовым пяткам, на которых она сидела. Ладонями девушка упиралась себе в колени, а туловище её было наклонено чуть вперёд, при этом изгиб талии вырисовывался круче, и плотные округлые ягодницы, ещё больше выдвинувшиеся назад, соблазняли своей доступностью.

По всем членам Тэрия мгновенно пробежали колющие мурашки, рождая желание.

В этот момент новая жёлтая волна высоко поднялась над берегом, завернувшись пенным гребнем внутрь, и с силой обрушилась на сушу. Обнажённая фигурка девушки на мгновение застыла на фоне свинцового неба и этой поднимающейся в пене жёлтой волны – О, Боги! – несказанный восторг охватил всё существо Тэрия от этой картины! Но тут же девушка приподнялась на коленях и согнулась, наклонившись вперёд, выгибая спину и прикрывая грудь. Ягодницы её раздвинулись, словно приглашая войти, а чуть ниже обнажился и чувственный вход в них – весь в золотистых завитках

Тэрий почувствовал эрекцию.

За шумом прибоя девушка, конечно, не могла слышать его шагов, и он мог подойти к ней и овладеть ею тут же. Но какая-то сила заставила Тэрия отвести взгляд от обнажённой фигурки и призывающих к себе своей доступностью сокровенных девичьих мест. Он повернул назад.

«Я прослежу за ней. Она будет моей, когда сама того захочет».

С этими мыслями Тэрий укрылся за скалой, и дождавшись, когда незнакомка окончит свою молитву и облачится в одежды, незаметно прошёл за ней до её дома. Это был дом знатного человека и известного своей храбростью воина – Ерифия.

Катя всё шла и шла. По-видимому, скалистая гряда, которую она приняла за знакомую, ту, с которой начались все её лесные несчастья, не была той самой грядой. Иначе, она давно бы вышла на лесную дорогу, с которой они, Антон, Агния и она сама свернули в лес.

День, как и вчера, уже начинал клониться к вечеру, а она всё плутала по лесу, придерживаясь, однако, ориентира солнца. Скорее всего, она ещё вчера слишком далеко углубилась в лес. Несмотря на все лесные неудобства – комаров, буреломы и буераки – и на изодранный вконец носок, не прикрывавший уже совсем стопу, и на стреляющую боль в повреждённой ноге, Катя всё-таки приободрилась. Возможно, потому, что сегодня весь день светило солнце, ягод было предостаточно, и потому что Катя решила не сдаваться, тем более, если всё, что с ней произошло, было чужим жестоким умыслом. Но когда к вечеру небо вновь затянулось тучами, и из них засочился мелкий, но частый дождичек, а комары ожесточились окончательно, и от ягод начало сводить желудок, решимость и стойкость Кати снова дали трещину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.